

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ, СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

Научная статья

УДК 911.3:355

doi: 10.17072/2079-7877-2024-1-15-26

**СТРАТЕГИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ:
ВЕКТОРЫ ОБНОВЛЕНИЯ**Александр Георгиевич Дружинин¹, Ольга Владимировна Кузнецова²¹ Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия¹ Институт географии РАН, г. Москва, Россия^{1,2} Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, г. Москва, Россия¹ alexdru9@mail.ru, Scopus Author ID: 7005628550² kouznetsova_olga@mail.ru

Аннотация. Присущие современному мироустройству масштабные геополитические и геоэкономические изменения, дополняемые пролонгированными экономико-технологическими и демографическими трендами, проецируются на российское пространство, корректируя как его внешний контур, так и внутреннюю архитектуру. В этом контексте вновь оживился дискурс о целевых ориентирах, направлениях и способах активизации территориальной социально-экономической динамики Российской Федерации, актуализирована разработка обновлённой стратегии её пространственного развития. Цель статьи состоит в базирующемся на инструментарии общественно-географического анализа выявлении присущих современной России важнейших проблемных областей, дилемм, альтернатив и приоритетов в области её пространственного развития, а также обосновании на этой основе концептуального подхода к обновлению ключевых положений ныне действующей Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. Констатируется, в частности, внутренняя противоречивость данного документа (превалирование установок на «выравнивание» в рамках аглоцентрированной модели, стремление совместить центростремительные тренды с поиском форматов противодействия «сжатию» освоенного пространства и др.) и его одновременная транзитивность, восприимчивость к инновациям («муниципализация» подходов, учёт «фактора геополитики» и др.). Подчёркнута необходимость модификации Стратегии за счёт сфокусированного внимания к экзогенным детерминантам пространственного развития России (включая формирование «Большой Евразии»), а также его научно-технологическим и оборонно-промышленным факторам. Обоснована целесообразность более последовательного смещения акцентов на стимулирование межрегиональной и межмуниципальной интеграции, на взаимоподдерживающее соразвитие субъектов федерации и муниципальных образований в едином общероссийском рыночном, транспортно-логистическом и информационном пространстве на основе баланса «москвоцентризма» с поддержкой иных полюсов роста, расширением и «взаимонаслоением» их сфер влияния.

Ключевые слова: пространственное развитие, стратегия, интеграционные процессы, регионы, муниципальные образования, связь территории, районирование, Россия

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00180 «Поливариантность детерминант и трендов экономической динамики муниципальных образований России: концептуализация, идентификация и типологизация в интересах государственного регулирования пространственного развития») в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН.

Для цитирования: Дружинин А.Г., Кузнецова О.В. Стратегия пространственного развития России: векторы обновления // Географический вестник = Geographical bulletin. 2024. № 1(68). С. 15–26. doi: 10.17072/2079-7877-2024-1-15-26

ECONOMIC, SOCIAL AND POLITICAL GEOGRAPHY

Original article

doi: 10.17072/2079-7877-2024-1-15-26

SPATIAL DEVELOPMENT STRATEGY OF RUSSIA: UPDATE VECTORS**Alexander G. Druzhinin¹, Olga V. Kuznetsova²**¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia¹ Institute of Geography of the RAS, Moscow, Russia^{1,2} Institute of Economic Forecasting of the RAS, Moscow, Russia¹ alexdru9@mail.ru, Scopus Author ID: 7005628550² kouznetsova_olga@mail.ru

Abstract. The large-scale geopolitical and geo-economic changes inherent in the modern world order, complemented by prolonged economic, technological, and demographic trends, are projected onto the Russian space, correcting both its external contour and internal architecture. In this context, the discourse on targets, directions, and ways of activating the territorial socio-economic dynamics of the Russian Federation has revived, and the development of an updated strategy for its spatial development has been reinvigorated. Based on the tools of socio-geographical analysis, the study aims to identify the most important problem areas characteristic of modern Russia, dilemmas, alternatives, and priorities in the field of its spatial development, as well as to substantiate on this basis a conceptual approach to updating the key provisions of the current Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the Period up to 2025. The paper notes the internal inconsistency of this document (the prevalence of orientation toward ‘alignment’ within the agglomerative model, the desire to combine centripetal trends with the search for formats to counteract the ‘compression’ of the developed space, etc.) and its simultaneous transitivity, susceptibility to innovation (‘municipalization’ of approaches, consideration of the ‘geopolitics factor’, etc.). The paper emphasizes the need to modify the Strategy by focusing on the exogenous determinants of Russia's spatial development (including the formation of ‘Greater Eurasia’), as well as its scientific, technological, and defense-industrial factors. We substantiate the reasonableness of a more consistent shift in emphasis to the stimulation of interregional and inter-municipal integration, to mutually supportive co-development of regions and municipalities within a single market, transport, logistics, and information space based on the balance of ‘Moscow-centrism’ with the development of other growth poles, expansion, and ‘interlayering’ of their spheres of influence.

Keywords: spatial development, strategy, integration processes, regions, municipalities, connectivity of the territory, zoning, Russia

Funding: The research was carried out under a grant of the Russian Science Foundation (project No. 23-18-00180 ‘Multivariety of determinants and trends in economic dynamics of Russian municipalities: conceptualization, identification, and typologization in the interests of state regulation of spatial development’) in the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Druzhinin, A.G., Kuznetsova, O.V. (2024). Spatial development strategy of Russia: update vectors. *Geographical Bulletin*. No. 1(68). Pp. 15–26. doi: 10.17072/2079-7877-2024-1-15-26

Введение и постановка проблемы

Для России вопросы её пространства (обширнейшего, разнородного, асимметричного по многим селитебным, ресурсным и хозяйственным характеристикам) и в более сфокусированном, предельно созвучном предмету общественной географии контексте *пространственной организации* традиционно выступают первостепенными, ключевыми. Особым образом они актуализировались в постсоветский период (в связи с федерализацией государственной власти [34] и в ещё большей мере благодаря инициированному новыми политико-экономическими реалиями росту территориальных социально-экономических диспропорций и контрастов, коррелирующих с масштабными миграционными «перетоками»), обретя дополнительную проблемность и остроту уже в последнее десятилетие, характеризуемое не только фактической консервацией российской центрально-периферийной пространственной структуры (демонстрирующей черты «архипелага крупных центров в мире периферии» [35, с. 342]), но и стагнацией российской экономики [33], что само по себе существенно снизило потенциал социально-экономического «выравнивания», генерируя вполне корректное понимание, что «обитаемое и экономическое пространство России сжимается и будет сжиматься дальше» [15, с. 12].

Экономическая, социальная и политическая география
Дружинин А.Г., Кузнецова О.В.

Ситуация, инициирующая возрастающую потребность в осмысленном и целеориентированном **пространственном развитии**, усугублялась и внешними вызовами. Речь идёт, в частности, о уже проявившемся с момента глобального кризиса 2008 г. и далее всё нарастающем запросе на трансформацию сложившихся межрегиональных хозяйственных и селитебных пропорций в условиях последовательного «дрейфа» геоэкономических интересов нашей страны на глобальный Восток и Юг [9], о соответствующем создании дополнительных «точек роста» и объектов инфраструктуры. Наряду с этим в связи с резко проявившимся (соотносимым с очередной «холодной войной» [16]) конфликтом в системе «Россия – коллективный Запад» в пространственной социально-экономической динамике существенно возросли геополитические ограничения и риски, а на авансцене национальной повестки вновь оказались императивы обеспечения безопасности, устойчивости и территориальной целостности. Именно в данном контексте пятилетие назад Правительством РФ утверждён специальный документ – «*Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г.*» (далее – СПР), чьи положения, послылы, а затем и среднесрочные эффекты имплементации, ещё на стадии разработки оказавшись предметом междисциплинарного дискурса, были подвержены в том числе многоаспектной профессиональной критике [18, 19, 22, 27, 28, 30, 31, 37]. В дискуссионном поле пребывали при этом практически все ключевые компоненты стратегии: предложенная в ней сетка макрорегионов, перечень «центров роста», списки перспективной экономической специализации территорий, транспортные проекты [13]. СПР вменяли также её общую неадекватность приоритетам и реалиям России, «антифедералистичность» (констатируя, что «субъектам Федерации как бы отводится роль пассивных наблюдателей» [3, с. 638] и одновременно уже с иных позиций – следование логике ресурсной экономики советского типа при игнорировании строгих критериев социоэкономической эффективности [38].

Проявившийся осязаемый разброс точек зрения и суждений симптоматично отражает, как представляется, не только чрезвычайную сложность российского пространства, разнородность факторов и трендов его динамики, равно как и вариантность стратегической перспективы, но и изначальную, обусловленную политической ангажированностью («искусством возможного», попыткой «пройти между Сциллой и Харибдой») эклектичность СПР, сочетающуюся с её концептуальной «промежуточностью», транзитивностью, открытостью к ситуативно-конъюнктурным изменениям.

И действительно, уже в 2021–2022 гг. текст действующего документа оказался дополнен содержательными и понятийно-категориальными новациями [Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 N 207-р (ред. от 30.09.2022) «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094/], в числе которых целесообразно особо выделить: 1) установку на дальнейшую *деконцентрацию в рамках аглоцентрированной модели пространственного развития* (вводом в документ не только понятия «городская агломерация», но и «опорного населенного пункта», равно как и декларирования необходимости *улучшения транспортной доступности сельских территорий*); 2) акцент на «*сбалансированное пространственное развитие*» при одновременном «продвижении» мобильных форматов оказания услуг, провозглашения необходимости повышения мобильности трудовых ресурсов, также означающих выстраивание стратегии освоения и развития российского пространства в рамках признания магистрального тренда на его «сжатие»; 3) констатацию возрастающего влияния на пространственную динамику «фактора геополитики», проявившуюся, в частности, в приоритетном внимании к «*приграничным муниципальным образованиям*»; 4) «муниципализацию» стратегических установок в сфере пространственного развития – аспектную, непоследовательную, но тем не менее симптоматичную и (как подчёркивалось ранее [23]) крайне необходимую.

Экономическая, социальная и политическая география
Дружинин А.Г., Кузнецова О.В.

Однако даже в своём модифицированном виде СПР по целому ряду аспектов остаётся неадекватной запросам и возможностям современного российского общества (известный российский экономист-регионовед В.Н. Лексин удачно отождествил результат её реализации с «некрозом ткани российского пространства» [28, с. 21]), равно как и темпу, «плотности» изменений в его пространственной организации. Это обстоятельство не только констатируется представителями исследовательского сообщества [4, 5], но и осознаётся на высшем государственном уровне, что проявилось в недавнем решении *разработать в 2024 г. новую концепцию СПР Российской Федерации* [Кабмин в 2024 г. представит новую концепцию стратегии пространственного развития. <https://tass.ru/ekonomika/19369521>]. Цель статьи состоит в попытке её авторов, осмысливая и раскрывая важнейшие проблемные области, дилеммы, альтернативы и приоритеты в пространственном развитии нашей страны, наметить содержательный контур подобного рода концепции, высветить наиболее значимые и актуализированные её компоненты.

Важнейшие новации российского пространства и способы их учёта в СПР. Стартовым отправным моментом при формировании концептуальных подходов для СПР должен явиться учёт ключевых для России обстоятельств, проявившихся в последние два года.

Первое связано, разумеется, со специальной военной операцией, с глобальной геополитикой и может быть идентифицировано как *системный рост воздействия на российское пространство «военного фактора»*. Отчасти он имеет ограниченное по времени влияние – в части несколько выравняющего социально-территориальную асимметрию потенциала денежных выплат участникам военных действий (и членам их семей). Вместе с тем в целом это пролонгированный и пока лишь своими отдельными аспектами корректирующий общую инерцию территориально-хозяйственной и селитебной динамики процесс (подходы к его анализу рассмотрены в [10]). Среди наиболее явных его сторон – формирование дополнительных «плюсов роста» в местах концентрации (локализации) предприятий оборонно-промышленного комплекса при возрастающей роли последнего в качестве одного из межтерриториальных интеграционных «скрепов» (по завершении СВО предприятия ОПК могут стать центрами производства поставляемого на экспорт вооружения и/или высокотехнологичных конверсионных производств); формирование особого места в российском пространстве регионов и отдельных муниципальных образований как непосредственно включённых в театр военных действий или испытавших их последствия (юго-запад России), так и ставших местом развёртывания новых частей и соединений (западное и северо-западное побережье). Представляется необходимым в этой связи не только полноформатно «прописать» в формируемой СПР приоритеты поддержки и послевоенной реабилитации новых российских территорий (при одновременной их интеграции в экономическую, селитебную и социокультурную структуры страны), но и включить их в число приоритетных геостратегических территорий, предусматривая целесообразность первоочередной федеральной поддержки в связи со специфическими, усложнёнными условиями жизни и ведения хозяйственной деятельности.

Второе обстоятельство – противостояние с коллективным Западом в целом, которое придало среди прочего дополнительный импульс евразийскому вектору российской геостратегии, сохранив и нарастив тем самым *влияние на пространственное развитие нашей страны экзогенных детерминант*. На микроуровне ещё большую значимость обрели, в частности, приграничные и приморские муниципальные образования; на мезоуровне проявился «контактный» межцивилизационный, межгосударственный потенциал таких регионов, как Адыгея, Башкортостан, Бурятия, Дагестан, Республика Крым, Татарстан, Тыва, Чечня (территорий-посредников в российских кросс-культурных коммуникациях с «центральными зонами» Исламской Уммы, Тюркского мира и др.). Эти новации предполагают уточнение подходов к выделению геостратегических территорий России: исходя из приграничного или приморского положения, статус геостратегических должны получать скорее отдельные муниципальные образования, а

Экономическая, социальная и политическая география
Дружинин А.Г., Кузнецова О.В.

не субъекты федерации в целом (хотя в отдельных случаях геостратегическими могут оказываться все муниципальные образования региона), тогда как особую значимость в развитии внешнеэкономических связей должны иметь не только приграничные или приморские регионы (прежде всего уместно говорить о *«стратегических территориях евразийской интеграции»* – существенно значимых для устойчивого и эффективного присутствия России в евразийских интеграционных структурах и процессах).

Жёсткие турбулентные и высококонкурентные условия пока лишь формирующегося многополюсного мира и соответствующие современным реалиям многовекторные партнёрства Российской Федерации в условиях полицентрической Евразии инициируют и общее смещение приоритетов СПР в пользу не только региональной и муниципальной проблематики, но и одновременно с этим *обеспечения соразмерной с нашими евразийскими партнёрами и соседями социально-экономической динамики всего российского пространства как единого целого*. Вопрос этот (ныне являющийся одним из сердцевинных, во многом экзистенциальных для России) в свою очередь тесно увязан с ключевыми, устойчиво воспроизводимыми все последние годы (в том числе в связи с СПР) дилеммами нашего пространственного развития, точнее с возможностями и путями их разрешения.

Третье важнейшее обстоятельство – новое усиление (после «паузы» 2010–2018 гг. на фоне пандемии COVID-19 и СВО) ставших для постсоветской России реальностью *депопуляционных процессов* (по данным Росстата, численность постоянного населения в 2022 г. превысила численность населения 2019 г. только в 22 субъектах Федерации [<https://fedstat.ru/indicator/31556>], рост численности населения за 2022 г. был зафиксирован в 33 регионах [<https://fedstat.ru/indicator/61751>]). Согласно демографическому прогнозу Росстата, число жителей страны (без учёта новых территорий) в ближайшее десятилетие будет сокращаться примерно на 450–500 тыс. в год, при этом данный показатель заведомо не учитывает прямые и косвенные военные потери [Демографический прогноз. Федеральная служба государственной статистики. <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>]. В пространственной проекции подобный тренд будет проявляться как ускоренное обезлюдивание подавляющей части сельской периферии, равно как и исчерпание ресурсов количественного роста для значительной части городских территорий. Новая СПР в этой связи должна сполна учитывать данные *демографические ограничения* и в существенно большей, нежели её предшественница, мере быть *ориентированной на межтерриториальную коммуникацию, координацию, мобильность*, в том числе и на обеспечение возможности «присутствия» каждого активного жителя России в двух-трёх точках её пространства. Подобный феномен уже имеет место [29], однако продолжает оставаться интересным по большей части только научному сообществу, одним из подтверждением чего является тот факт, что анкета Всероссийской переписи населения не предусматривает указания двух или большего числа реально постоянных мест жительства. Данный феномен следует и далее идентифицировать, стимулировать и постулировать, в том числе в формате СПР.

Основные дилеммы пространственного развития современной России и пути их разрешения с позиций общественной географии. С какой бы территорией мы ни имели дело, подчёркивал основоположник отечественной экономической географии Н.Н. Баранский, «её можно и должно рассматривать двояко: 1) как часть некоторого более обширного целого и 2) как целое, состоящее из частей» [2, с. 19]. И это классическое методологическое видение диалектического единства целого и его обособленных составляющих (когда с позиций географического миропонимания «мир = миры» [36]) по-прежнему сверхактуально для нашей страны, для стратегирования её пространственного развития.

В развитии пространства как *позиционированной во внешнем окружении фрагментированной целостности*, по существу, превалируют две во многом альтернативные идеологии. Первая акцентирована на эффекты концентрации и агломерации, ориентирует на приоритет

Экономическая, социальная и политическая география
Дружинин А.Г., Кузнецова О.В.

сильных, предоставляя всем иным, не оказавшимся в их немногочисленной страте, возможности, связанные с интеграционными процессами, с диффузией инноваций, наконец, с «компенсаторными» перетоками ресурсов. Потенциал её реализации в современной России, заметим, лимитирован государственным устройством страны, её этнодемографической «мозаичностью», а также доминирующей в последнее время и демонстрирующей свой ренессанс социокультурной традицией. Вторая же, напротив, постулирует именно выравнивание, рассредоточение, включая и столь актуальное для Российской Федерации освоение (реосвоение) территорий. Последнему, кстати, объективно благоприятствует локализация наиболее значимых компонент природно-ресурсного потенциала именно на периферии страны (с выраженным северо-восточным вектором), а противостоит веками складывавшаяся селитебная и хозяйственная «уплотнённость» в историческом ядре формирования Российского государства, уже в постсоветский период переформатированная в гипертрофированный московско-питерский асимметричный пространственный бицентризм.

Что же, в итоге, для России, для её современной пространственной динамики следует рассматривать в качестве общефедерального приоритета: социально-экономическое выравнивание, поддержку «слабых» (а следование этой концептуальной установке в последние годы встречает возрастающую оппозицию в исследовательском сообществе [5; 15]) или развитие страны с преимущественной опорой на территории-лидеры (на первую десятку субъектов Федерации по объёму их хозяйственной активности приходится 54% всего ВРП), которые, впрочем, как полагают [31], также не демонстрируют явного превосходства ни с точки зрения эффективности производства, ни темпов экономического роста?

Нужен ли в СПР вообще превалирующий акцент на межтерриториальном социально-экономическом выравнивании (чему напрямую противодействуют центр-периферийные градиенты, равно как и практическая неустрашимость различий в условиях проживания и хозяйственной деятельности по оси «север – юг»)? Либо более реалистично каждую территорию стараться эффективно (для конкретной территориальной общности и России в целом) «вписать» в пространственную архитектуру страны, одновременно адаптируя последнюю к меняющимся реалиям (в том числе ментальным, связанным с тиражируемыми установками на многополярность, справедливость, учёт интересов большинства)?

Чем должна являться в этой связи сама СПР: инструментом «подтягивания» территорий-аутсайдеров до некоего усреднённого уровня, или, напротив, нормативным актом, постулирующим поступательную динамику всей страны как единой внутренне структурированной системы? Необходимо ли, возможно ли в новом варианте СПР первоочередное «продвижение» интересов тех или иных, пусть и весьма проблемных, ресурсообеспеченных регионов (например, Дальнего Востока, территорий Сибири, Арктической зоны), или конфигурация и структура российского пространства (особенно в условиях современных геополитических коллизий) диктуют необходимость многовекторного развития, предполагающего в том числе поддержку уже чётко выраженного [12] «поворота» на юг, равно как и пролонгацию западного, в том числе балтийского вектора?

Формируя концепцию СПР в условиях глобальной турбулентности, следует также чётко осознавать: соответствует ли задачам обеспечения нашей национальной безопасности именно выравнивание (как принято полагать [3]) или целостность страны сопряжена с разумной, регулируемой асимметрией? Как мы понимаем само «выравнивание»? Стоит ли говорить (в духе идеологии середины прошлого столетия о «равномерном размещении производительных сил» [20]) о реальном нивелировании ключевых социально-экономических различий, которое достижимо лишь гипотетически, при крайне высоких и, скорее всего, малоэффективных затратах? Или же нужно принять как данность устойчивое воспроизводство центр-периферийной модели и сконцентрироваться на недопущении чрезмерной, разрушающей единство социально-экономического пространства дистанции между лидерами и периферией?

Экономическая, социальная и политическая география
Дружинин А.Г., Кузнецова О.В.

Полагаем, что концептуально новая версия СПР должна вмещать ответы на перечисленные вопросы, предложив приемлемый для всего российского общества, для регионов и муниципальных образований страны именно *сбалансированный подход, ориентированный на развитие, эффективность, территориальную целостность, солидарность и сопряжённость*. Его методологической основой при этом призвана стать сердцевинная в общественной географии *идея полимасштабности*, предполагающая для СПР в том числе компенсационный крен от региональной фрагментированности российского пространства к его интегрированности, от преимущественно региональной фокусировки СПР к её столь же необходимой муниципальной проекции, от «точечного» моноцентрического развития к мультиплицирующему позитивные социально-экономические эффекты моно-полицентрическому сетевому взаимодействию. Заведомая *компромиссность* будущей СПР (по идеологическим, организационным и иным мотивам) и необходимость в этой связи действенного преодоления дилемм пространственного развития на основе совмещения (а лучше синтеза) двух вышеизложенных подходов определяют круг её ключевых приоритетов.

Ключевые приоритеты для новой версии СПР Российской Федерации. Важнейший – *интеграционный*, ориентирующий на решение сверхзадачи *дальнейшего развития межрегиональных и межмуниципальных взаимодействий*, причём пусть и не равноправных (что в принципе невозможно), но заведомо выигрышных для всех территорий-участников. Его концептуальное «присутствие» ощутимо и в действующей СПР, и в связанном с вопросами пространственного развития дискурсе [3, 19, 24], но пока ориентировано в преимущественной мере на собственно агломерационные процессы [21] либо на диверсифицированные «точечные» федеральные приоритеты за пределами оконтуриваемых ими зон. В то же время, как подчёркивал ведущий отечественный геоурбанист Г.М. Лаппо, «отдавая приоритет крупным городам... нельзя забывать о необходимости использования потенциала всего расселения» [25, с. 9]. Этот тезис, кстати, стыкуется и с более широкой, столь же актуализированной в современных условиях, зародившейся в 1970-е гг. идеей «Единой системы расселения», предполагающей «координированное развитие всех типов поселений» [1, с. 538].

Ориентируясь на позитивные изменения в транспортно-логистической сфере, в обновлённую СПР следует вместить, в частности, установку на стимулирование «малых» групповых систем расселения (сельских, полу-сельских), и в этом плане продуктивно предложение формирования «ассоциаций населённых пунктов» [17] с ядрами менее 100 тыс. жителей. Последние должны получить федеральную и региональную поддержку в увязке с динамикой урбанистических «полюсов роста» в формате планомерной организации стратегически значимых для современной России «осей развития», понимаемых как выстраиваемые вдоль (и на основе) транспортных коридоров международного, федерального и межрегионального значения совокупности сопряжённых городских агломераций и опорных населённых пунктов, формирующих интегрированные социально-экономические пространства.

Акцентируем внимание на том, что новые скоростные автомобильные и железнодорожные магистрали не только порождают возможности для активизации экономической динамики тяготеющих к ним регионов и их муниципальных образований в формате *линейной полицентрической регионализации* (с коррекцией доминантных селитебных и хозяйственных связей в пользу «соседей по трассе»), но и инициируют объединение складывающихся «*рассредоточенных конурбаций*» (агломераций, оказывающихся в 1,5–2 часовой доступности) в контурах размытых, динамичных, взаимно наслаивающихся российских «*больших пространств*».

Ранее нами уже фокусировалось внимание на соответствующей проблематике применительно к российскому Югу [11]. Здесь же подчеркнём *заведомое потенциальное типологическое многообразие «больших пространств»*, поскольку в этом качестве способны выступить: 1) традиционные культурно-хозяйственно-природные макрорегионы («уникальные террито-

Экономическая, социальная и политическая география
Дружинин А.Г., Кузнецова О.В.

риально-управленческие образования» [26]) наподобие Урала (чей концепт продолжает культивироваться [32]); 2) расширительные версии последних (например, «Большой Юг России» [11]); 3) различающиеся своими географическими и социально-экономическими параметрами «междуморья» (особым образом перспективны в новой геополитической ситуации балто-каспийское, а также балто-тихоокеанское); 4) «межтерриториальные» (между ментально устоявшимися макрорегионами страны) ареалы и полосы (включая, к примеру, Урало-Поволжье, рассматриваемое [6] как своеобразная переходная зона между европейской и азиатской частями России); 5) оси и полосы между крупнейшими городскими российскими агломерациями (наиболее значимая, формируемая именно автодорожным строительством – «Санкт-Петербург – Москва – Нижний Новгород – Казань» – стала реальностью уже в конце 2023 г.).

Основываясь на примате вышеизложенных интеграционных приоритетов, вся траектория территориально-хозяйственной и селитебной динамики современной России должна объединять в итоге последовательное *продвижение от отдельных полимасштабных, иерархичных «центров роста» с их ареалами влияния к взаимно пересекающимся «ареалам развития», и далее к единому моно-полицентрическому континуально-дискретному национальному пространству*. И этот магистральный вектор, в свою очередь, предполагает концептуальный **отказ от укоренённого упрощённого понимания структурирования российского пространства** лишь в контурах субъектов Федерации и муниципальных образований, равно как и фигурирующей в действующей СПР сетки «макрорегионов» (пусть даже, как подчёркивается [7], весьма обоснованных), **в пользу признания наличия** (наряду с последними) **сложных, многомерных интегрированных пространственных структур**. Заметим также, что любого рода районирование – это не только попытка вычленения неких «объективных данностей», но и ментальная фрагментация пространственной целостности, создающая предпосылки в том числе для последующих «разломов» и «разрывов» единой хозяйственной и селитебной «ткани» страны (весьма нежелательных, особенно в геополитическом противостоянии). *Примат территориально-интеграционного над регионально-фрагментирующим* (при одновременном сочетании этих подходов) должен, полагаем, стать лейтмотивом новой СПР, равно как и её **дальнейшая «муниципализация»**, наряду с акцентом на межмуниципальные структуры и взаимодействия, что означает: последовательное внедрение типологических подходов (в том числе природно-зональных, центрo-периферийных, этнодемографических) в формирование как фактологии СПР, так и её положений, направлений реализации; увязку приоритетов и возможностей пространственного развития с коррекцией системы местного самоуправления; культивирование муниципально-сфокусированных подходов при обосновании научно-технологического аспекта пространственного развития, ставшего в последнее время особо значимым; максимально возможное «приближение» инструментария СПР к человеку, непосредственной среде его жизнедеятельности, её состоянию (и тем самым преодоление негатива ситуации, когда, по справедливому определению сибирских коллег, «человек и природа отошли на второй план» [18, с. 36]).

Заключение

Разработка обновлённой СПР Российской Федерации предполагает как всесторонний (в том числе критический) учёт предшествующего опыта, так и осмысление новых (иницированных изменившимися для страны внутренними и в ещё большей мере внешними условиями её функционирования) трендов, проблемных ситуаций и целевых ориентиров территориальной организации российского общества. В ходе обновления СПР важно исходить из усложнения процессов формирования российского пространства: увеличивается роль и разнообразие форматов возвратной мобильности населения; благодаря развитию транспортной инфраструктуры растёт влияние городов на окружающие территории не только в пределах город-

Экономическая, социальная и политическая география
Дружинин А.Г., Кузнецова О.В.

ских агломераций, но и более обширных пространств, в результате чего собственно агломерационные процессы дополняются формированием более сложных структур – осей и ареалов развития, «рассредоточенных конурбаций»; военные действия в пределах новых субъектов Российской Федерации делают их совершенно особым типом территорий, нуждающихся не только в инкорпорировании в общероссийское пространство, но и в послевоенном восстановлении. Подобное усложнение пространственной структуры неизбежно требует гораздо более выраженного, по сравнению с действующей СПР, смещения акцентов с регионального уровня на муниципальный (включая введение в оборот термина «геостратегические муниципальные образования»), но вместе с тем и полимасштабного подхода.

Понимание реального разнообразия, мозаичности российского пространства должно являться основой не только и даже не столько для выработки мер пространственной политики в отношении разных типов территорий, сколько для обеспечения единства российского пространства за счет широкомасштабного развития взаимодействия территорий на самых разных иерархических уровнях (межрегиональном, межмуниципальном). Должны быть сформированы представления о единой системе расселения (вбирающей в себя нынешние многочисленные варианты разных центров роста – городских агломераций, сельских агломераций, опорных населенных пунктов) и, главное, о их взаимовлиянии и соразвитии. Такой подход, как представляется, в конечном итоге может помочь в поиске ответа на ключевой вопрос пространственной политики (определение необходимых масштабов и форматов сокращения территориальных различий), поскольку позволит уйти от традиционного противопоставления города и села, центра и периферии к осмыслению потенциала и конкретных направлений их взаимозависимого развития.

Библиографический список

1. Агафонов Н.Т., Лавров С.Б., Хорев Б.С. О некоторых ошибочных концепциях в урбанистике // Известия Всесоюзного географического общества. 1982. Вып. 6. С. 533–538.
2. Баранский Н.Н. О методике лекций по районному курсу экономической географии СССР // Известия Всесоюзного географического общества. 1941. № 1. С. 16–22.
3. Бухвальд Е.М., Кольчугина А.В. Стратегия пространственного развития и приоритеты национальной безопасности Российской Федерации // Экономика региона. 2019. Т. 15, вып. 3. С. 631–643. doi: 10.17059/2019-3-1.
4. Бухвальд Е.М., Валентик О.Н., 2023. Корректировки в стратегии пространственного развития: есть ли значимые продвижения? // Региональная экономика. Юг России. Т. 11, № 1. С. 31–42. doi: <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2023.1.3>.
5. Гильмундинов В.М., Панкова Ю.В. Пространственное развитие России в условиях внутренних и внешних вызовов // Проблемы прогнозирования. 2023. № 4 (199). С. 82–93. doi: 10.47711/0868-6351-199-82-93
6. Голубченко И.В. Урало-Поволжье: место в районировании и территориальной организации России // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. 2008. № 5. С. 48–53.
7. Голубченко И.В. О районировании России (в связи с проектом стратегии пространственного развития) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Естественные науки. 2018. № 4. С. 32–38. doi: 10.18384/2310-7189-2018-4-32-38
8. Дружинин А.Г. Пролонгация «москвоцентричности» российского пространства: pro et contra // Политические исследования. 2018. № 5. С. 29–42. doi: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.04>
9. Дружинин А.Г. Идеи классического евразийства и современность: общественно-географический анализ. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2021. 270 с.
10. Дружинин А.Г. «Военная тематика» в российских общественно-географических исследованиях: подходы, тренды, приоритеты // Географический вестник. 2023. № 19(1). С. 30–43. doi: 10.17072/2079-7877-2023-1-30-43.
11. Дружинин А.Г. Актуальные проблемы систематизации и унификации географической терминологии в исследованиях южнороссийского регионотезиса // Научная мысль Кавказа. 2023. № 1. С. 5–15.
12. Дружинин А.Г., Кузнецова О.В. «Южный вектор» в пространственном развитии постсоветской России: основные факторы и проявления // Федерализм. 2023. № 2. С. 5–26.
13. Жихаревич Б.С. Влияние Стратегии пространственного развития России на муниципальные стратегии // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2021. № 3. С. 8–19. doi: 10.52897/2411-4588-2021-3-8-19.
14. Замятина Ю.Н., Пилясов А.Н. Россия, которую мы обрели: исследуя пространство на микроуровне. М.: Новый хронограф, 2013. 548 с.
15. Зубаревич Н.В. Региональное развитие и региональная политика в России // ЭКО. 2014. № 4 (478). С. 6–27. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2014-4-6-27>.
16. Караганов С.А. О третьей Холодной войне // Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19, № 4 (110). С. 21–34. doi: 10.31278/1810-6439-2021-19-4-21-34

Экономическая, социальная и политическая география
Дружинин А.Г., Кузнецова О.В.

17. Катанандов С.Л., Межевич Н.М., Солодилов В.В. «Сельские агломерации» и «сельские ассоциации населенных пунктов» – возможные направления развития местного самоуправления на Северо-Западе России // Управленческое консультирование. 2021. № 9. С. 9–17. doi 10.22394/1726-1139-2021-9-9-17.
18. Крюков В.А., Селиверстов В.Е. Стратегическое планирование пространственного развития России и её макрорегионов: в плену старых иллюзий // Российский экономический журнал. 2022. № 5. С. 22–40. doi: 10.33983/0130-9757-2022-5-22-40
19. Коломак Е.А., Крюков В.А., Мельникова Л.В., Селиверстов В.Е., Суслов В.И., Суслов Н.И. Стратегия пространственного развития России: ожидания и реалии // Регион: экономика и социология. 2018. № 2. С. 264–287. doi: 10.15372/REG20180212
20. Константинов О.А. К истории и современному состоянию экономико-географической науки в СССР // Известия Всесоюзного географического общества. 1955. № 3. С. 259–266.
21. Котов А.В. Варианты пространственного развития России в контексте межрегиональных взаимодействий // Проблемы прогнозирования. 2021. № 3. С. 135–144. doi: 10.47711/0868-6351-186-135-144
22. Кузнецова О.В. Стратегия пространственного развития Российской Федерации: иллюзия решений и реальность проблем // Пространственная экономика. 2019. Т. 15, № 4. С. 107–125. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2019.4.107-125>.
23. Кузнецова О.В. Развитие муниципальной проблематики в государственной пространственной политике России // Региональные исследования. 2022. № 2. С. 16–24. doi: 10.5922/1994-5280-2022-2-2
24. Лаженцев В.Н. Арктика и Север в контексте пространственного развития России // Экономика региона. 2021. Т. 17, вып. 3. С. 737–754. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-3-2>.
25. Лаппо Г.М. Города на пути в будущее. М: Мысль, 1987. 236 с.
26. Лексин В.Н., Порфирьев Б.Н. Экспертиза проектов развития макрорегионов России: проблемы организации // Проблемы прогнозирования. 2016. № 6 (159). С. 18–29.
27. Лексин В. Как это делается. К разработке стратегии пространственного развития России // Свободная мысль. 2018. № 4 (1670). С. 13–30.
28. Лексин В.Н. Дороги, которые не мы выбираем (о правительственной «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года») // Российский экономический журнал. 2019. № 3. С. 3–24. doi: 10.33983/0130-9757-2019-3-3-24
29. Между домом и... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России. М.: Новый хронограф, 2016. 504 с.
30. Минакир П.А. Российское экономическое пространство. Стратегические тупики // Экономика региона. 2019. Т. 15, вып. 4. С. 967–980. <https://doi.org/10.17059/2019-4-1>
31. Михеева Н.Н. Стратегия пространственного развития: новый этап или повторение старых ошибок // ЭКО. 2018. № 5. С. 159–178. doi: 10.30680/ЕСО0131-7652-2018-5-158-178
32. Назукина М.В. Уральский макрорегион в системе территориальных идентичностей современной России // Известия РАН. Серия географическая. 2015. № 6, С. 37–47. <https://doi.org/10.15356/0373-2444-2015-6-37-47>
33. Порфирьев Б.Н. Перспективы экономического роста России // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. Т. 221, № 1. С. 83–91.
34. Смирнягин Л.В. Общественная география. Федерализм. Регионализм. М.: КомКнига, 2005. 464 с.
35. Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф, 2009. 372 с.
36. Тютюнник Ю.Г. О феномене географии // Известия РАН. Серия географическая. 2010. № 6. С. 8–18.
37. Шамахов В.А., Межевич Н.М. Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2025 года: экономические возможности и управленческие ограничения // Управленческое консультирование. 2019. № 4. С. 19–27. doi: 10.22394/1726-1139-2019-4-19-27
38. Швецов А.Н. Российское пространство в процессе исторических переходов (к разработке и реализации теории постсоветских системных преобразований организации социоэкономического пространства) // Российский экономический журнал. 2021. № 6. С. 66–100. <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2021-6-66-100>
39. Широ А.А., Михеева Н.Н., Гусев М.С., Савчишина К.Е. Макроэкономическая стабилизация и пространственное развитие экономики // Проблемы прогнозирования. 2019. № 5. С. 3–15.

References

1. Agafonov N.T., Lavrov S.B., Xorev B.S. On some erroneous concepts in urbanism [O nekotory'x oshibochny'x koncepciyax v urbanistike] // Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshhestva. 1982. No. 6. Pp. 533–538
2. Baranskij N.N. On the methodology of lectures on the regional course of economic geography of the USSR [O metodike lekcij po rajonnomu kursu e'konomicheskoy geografii SSSR] // Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshhestva. 1941. No. 1. Pp. 16–22.
3. Bukhvald E.M., Kolchugina A.V. The spatial development strategy and national security priorities of the Russian Federation. *Economy of Region*. 2019. T.15, No. 3. Pp. 631–643 doi 10.17059/2019-3-1
4. Buchwald E.M., Valentik O.N., 2023. Amendments in Spatial Development Strategy: Are There Any Significant Advances? *Regionalnaya ekonomika. Yug Rossii* [Regional Economy. South of Russia], vol. 11, no. 1, pp. 31–42. (in Russian). doi: <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2023.1.3>
5. Gilmundinov V.M. and Pankova Yu.V. Spatial Development of Russia under the Conditions of External and Internal Challenges // *Studies on Russian Economic Development*. 2023 Vol. 34, No. 4 Pp. 484–491. doi: 10.1134/S107570072304007X
6. Golubchenko I.V. The Urals-Volga Region and its place in the regionalization and territorial organization of Russia // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 5. Geografiya*. 2008. № 5. S. 48–53
7. Golubchenko I. Zoning of Russia (In Connection with the Draft of the Spatial Development Strategy). In: *Bulletin of the Moscow Region State University, Series: Natural Sciences*, 2018, no. 4, pp. 32–38. doi: 10.18384/2310-7189-2018-4-32-38

Экономическая, социальная и политическая география
Дружинин А.Г., Кузнецова О.В.

8. Druzhinin A.G. Prolongation of the “Moscow-Centric” Russian Space: *pro et contra*. – Polis. Political Studies. 2018. No. 5. Pp. 29–42. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.04>
9. Druzhinin A.G. The ideas of classical Eurasianism and modernity: a socio-geographical analysis [Idei klassicheskogo evrazijskogo i sovremennost': obshchestvenno-geograficheskij analiz]. Rostov-na-Donu: Izd-vo Yuzhnogo federal'nogo universiteta. 2021. 270 p.
10. Druzhinin A.G. (2023). Military topics in Russian socio-geographical research: approaches, trends, priorities. Geographical Bulletin. No. 19(1). Pp. 30–43. doi: 10.17072/2079-7877-2023-1-30-43.
11. Druzhinin A.G. Actual problems of systematization and unification of geographical terminology in the research of South Russian regionogenesis // Nauchnaya mysl' Kavkaza. 2023. № 1. Pp. 5-15.
12. Druzhinin A.G., Kuznetsova O.V. The Southern Vector in the Spatial Development of Post-Soviet Russia: the Main Factors and Manifestations. Federalism. 2023;28(2):5-26. (In Russ.) <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2023-2-5-26>.
13. Zhikharevich B.S. Impact of the spatial development strategy of Russia on municipal strategies// Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya. 2021. № 3. Pp. 8–19 doi: 10.52897/2411-4588-2021-3-8-19
14. Zamyatina Yu.N., Pilyasov A.N. Rossiya, kotoruyu my' obreli: issleduya prostranstvo na mikrourovne [The Russia we have found: exploring space at the micro level.]. M: Novy'j khronograf. 2013. 548 s.
15. Zubarevich N.V. Regional'noe razvitie i regional'naya politika v Rossii [Regional development and regional policy in Russia]// E'KO. 2014. № 4 (478). Pp. 6–27. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2014-4-6-27>.
16. Karaganov S.A. O tret'ej Xolodnoj vojne [On the Third Cold War]// Rossiya v global'noj politike. 2021. T. 19. № 4 (110). S. 21-34. doi: 10.31278/1810-6439-2021-19-4-21-34
17. Katanandov S.L., Mezhevich N.M., Solodilov V.V. "Rural Agglomerations" and "Rural Associations of Settlements" — Possible Directions for the Development of Local Self-Government in the North-West of Russia. Administrative Consulting. 2021;(9):9-17. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-9-9-17>
18. Kryukov V.A., Seliverstov V.E. Strategic planning of the spatial development of Russia and its macro-regions: Captured to old illusions. Russian Economic Journal. 2022;(5):22–40. (In Russ.). <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-5-22-40>.
19. Kolomak E.A., Kryukov V.A., Melnikova L.V., Seliverstov V.E., Suslov V.I., Suslov N.I. Spatial development strategy of Russia: expectation and reality. Region: Economics & Sociology, 2018, No.2 (98), Pp. 264–287. doi: 10.15372/REG20180212
20. Konstantinov O.A. K istorii i sovremennomu sostoyaniyu ekonomiko-geograficheskoy nauki v SSSR [On the history and current state of economic and geographical science in the USSR]// Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva. 1955. № 3. Pp. 259–266.
21. Kotov A.V. Options for the Spatial Development of Russia in the Context of Interregional Interactions // Studies on Russian Economic Development. 2021. Vol. 32. № 3. Pp. 318–324. doi: 0.1134/S1075700721030072
22. Kuznetsova O.V. Problems of Elaboration of Spatial Development Strategy of the Russian Federation. Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics, 2019, Vol.15, No.4, Pp.107–125. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2019.4.107-125> (In Russian).
23. Kuznetsova O.V. Development of municipal issues in the state spatial policy of Russia. // Regional'ny'e issledovaniya. 2022. No. 2. Pp. 16–24. doi: 10.5922/1994-5280-2022-2-2
24. Lazhentsev, V. N. (2021). The Arctic and the North: A Russian Spatial Development Context. Ekonomika regiona [Economy of region], 17(3), 737–754, <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-3-2>.
25. Lappo G.M. Goroda na puti v budushhee [Cities on the way to the future]. M: My'sl', 1987. 236 p.
26. Leksin V.N., Porfiryev B.N. Ekspertiza proektov razvitiya makroregionov Rossii: problemy organizatsii [Expertise of projects for the development of macro-regions of Russia: problems of organization]// Problemy prognozirovaniya. 2016. № 6 (159). Pp. 18–29.
27. Leksin V.N. How it is Being Made. On Elaborating Strategy of Spatial Development of Russia. Svobodnaya Mysl' = Free Thought, 2018, No. 4, Pp. 13–30. (In Russian)
28. Leksin V.N. The Roads that We do not Choose (on the Government «Strategy of Spatial Development of the Russian Federation for the Period up to 2025»). Rossiskiy Ekonomicheskij Zhurnal = Russian Economic Journal, 2019, no. 3, pp. 3–24. doi: 10.33983/0130-9757-2019-3-3-3-24 (In Russian)
29. Mezhdum domom i... domom. Vozvratnaya prostranstvennaya mobil'nost' naseleniya Rossii [Between the house and... the house. Recurrent spatial mobility of the Russian population]. M.: Novy'j khronograf. 2026. 504 p.
30. Minakir, P. A. (2019). Russian Economic Space: Strategic Impasses. Ekonomika regiona [Economy of region], 15(4), 967-980 <https://doi.org/10.17059/2019-4-1>.
31. Mixeeva N.N. Strategiya prostranstvennogo razvitiya: novy'j etap ili povtorenie stary'kh oshibok [Spatial development strategy: a new stage or the repetition of old mistakes]// E'KO. 2018. No. 5. Pp. 159–178. doi: 10.30680/ECO0131-7652-2018-5-158-178.
32. Nazukina M.V. Urals Macroregion in the System of Territorial Identities of Modern Russia. Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya. 2015;(6):37-47. (In Russ.) <https://doi.org/10.15356/0373-2444-2015-6-37-47>.
33. Porfiryev B.N. Prospects for Russia's economic growth. Scientific Works of the Free Economic Society of Russia. 2020. T. 221. No. 1. Pp. 83–91.
34. Smirnyagin L.V. Obshchestvennaya geografiya. Federalizm. Regionalizm [Human geography. Federalism. Regionalism]. M.: KomKniga. 2005. 464 s.
35. Trejvish A.I. Gorod, rajon, strana i mir. Razvitie Rossii glazami stranoveda [City, district, country and world. The development of Russia through the eyes of a country scientist]. M.: Novy'j khronograf. 2009. 372 s.
36. Tyutyunnik Yu.G. About the Phenomenon of Geography. Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya, 2010. No 6. Pp. 8–18.
37. Shamakhov V.A., Mezhevich N.M. The Strategy of Spatial Development of the Russian Federation until 2025: Economic Opportunities and Administrative Restrictions. First Article. Administrative Consulting. 2019;(4):19–27. (In Russ.) doi: 10.22394/1726-1139-2019-4-19-27

Экономическая, социальная и политическая география
Дружинин А.Г., Кузнецова О.В.

38. Shvetsov A.N. Russian space in the process of historical transitions (towards the development and implementation of the theory of post-Soviet system transformations of the organization of the socio-economic space). *Russian Economic Journal*, 2021. No. 6. Pp. 66–100. (In Russ.). <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2021-6-66-100>

39. Shirov A.A., Mikheeva N.N., Gusev M.S., Savchishina K.E. Makroe`konomicheskaya stabilizaciya i prostranstvennoe razvitie ekonomiki [Macroeconomic stabilization and spatial development of the economy]. *Problemy` prognozirovaniya*. 2019. No. 5. Pp. 3–15.

Статья поступила в редакцию: 25.12.2023, одобрена после рецензирования: 04.03.2024, принята к опубликованию: 14.03.2024.

The article was submitted: 25 December 2023; approved after review: 4 March 2024; accepted for publication: 14 March 2024.

Информация об авторах

Information about the authors

Александр Георгиевич Дружинин

доктор географических наук, профессор, директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета, ведущий научный сотрудник Института географии РАН, главный научный сотрудник Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105; 119017, Россия, г. Москва, Старомонетный переулок, 29, стр. 4, 117418, Россия, г. Москва, Нахимовский просп., 47

Alexander G. Druzhinin

Doctor of Geographical Sciences, Professor, Director of the North Caucasus Research Institute of Economic and Social Problems of the Southern Federal University; Leading Researcher, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences; Chief Researcher, Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences; 105, Bolshaya Sadovaya st., Rostov-on-Don, 344006, Russia; 29, bld. 4, Staromonetny pereulok, Moscow, 119017, Russia; 47, Nakhimovsky prospekt, Moscow, 117418, Russia
e-mail: alexdru9@mail.ru

Ольга Владимировна Кузнецова

доктор экономических наук, профессор, профессор РАН, главный научный сотрудник Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, 117418, Россия, г. Москва, Нахимовский просп., 47

Olga V. Kuznetsova

Doctor of Economics, Professor, Professor of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences; 47, Nakhimovsky prospekt, Moscow, 117418, Russia
e-mail: kouznetsova_olga@mail.ru

Вклад авторов

Дружинин А.Г. – идея, формирование концепции статьи, сбор библиографического материала, обработка библиографического материала, написание введения и части основного текста.

Кузнецова О.В. – анализ нормативных документов, участие в формировании концепции статьи, написание заключения и части основного текста.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Contribution of the authors

Alexander G. Druzhinin – the idea; formation of the concept of the article; collection and processing of the bibliographic material; writing of the introduction and part of the main text.

Olga V. Kuznetsova – analysis of regulatory documents; participation in the formation of the article concept; writing of the conclusion and part of the main text.

The authors declare no conflict of interest.